

«Годы странствий Вильгельма Мейстера» И. В. фон Гете: диалог с Новалисом, Л. Тиком, Г. Гессе, Р. Музилем

Г. Г. Ишимбаева

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: galgrig7@list.ru

Статья посвящена эйдетическому анализу поэтологических и идеологических оснований романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» И. В. фон Гете и его диалогу с произведениями «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика, «Генрих фон Офтердинген» Новалиса, «Игра в бисер» Г. Гессе, «Человек без свойств» Р. Музиля.

Ключевые слова: роман воспитания, утопия, антиутопия, диалог.

«Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» И. В. Гете – одна из самых значительных и трудных книг первой трети XIX столетия, удивительный как по форме, так и по содержанию роман воспитания. В нем синтезированы художественные приемы европейской и немецкой литературы эпохи его создания и вместе с тем заложены многие идейно-эстетические традиции, которые получают развитие в постгетевской прозе. Это во всех отношениях экспериментальный роман, в котором Гете подводит итоги своим размышлениям над онтологическими проблемами бытия – отсюда сложность и неоднозначность его восприятия как современниками поэта, так и исследователями его творчества.

Сегодня мы имеем два диаметрально противоположных мнения о нем.

Автор биографии Гете Э. Людвиг заявляет, что «... в последних частях “Странствий Вильгельма Мейстера” явно просвечивают причуды старости» [1]. Солидарен с этим мнением и советский гетевед А. Аникст, который в Комментариях к роману, изданному в десятитомном собрании сочинений Гете, пишет: «Вплоть до нашего времени утвердилось мнение, что “Годы странствий...” – старческий роман, отразивший ослабление творческих потенций писателя» [2, 429], чуть ниже называя окончание серии романов о Вильгельме Мейстере «наименее популярным романом Гете» [2, 442].

Немецкий исследователь К. О. Конради, напротив, считает этот роман выдающимся сочинением писателя и называет главу своей знаменитой двухтомной гетевской биографии «Два великих произведения позднего Гете. “Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся”. “Фауст”. Трагедия. Вторая часть» [3, 571].

Кричащее несовпадение точек зрения обусловлено, на наш взгляд, прежде всего новаторской структурой произведения, в основу которой положен принцип фрагмента. Ге-

те использовал форму, программную для романтиков, и насытил ее вставными новеллами («Кто предатель?», «Смуглолицая девушка», «Пятидесятилетний мужчина», «Новая Мелузина», «Опасное пари», «Не заходи далеко!» и др.), стихотворениями («Кто жил, в ничто не обратится!..», «Почему виски седые...», «Его я зрел в руках проворных...» «Стоял я в строгом склепе...», «Куда, приятель, иль откуда?..» и др.), философскими афоризмами («Размышления в духе странников»), выдержками «Из архива Макарии», многочисленными эпистолами, публицистическими отступлениями, материально-техническими описаниями, которые могут произвести нецелокупное впечатление. По определению К. О. Конради, «Годы странствий...» – это «многосоставный конгломерат» [3, 573]. Согласимся, что слово, значение которого в словарях расшифровывается как соединение чего-нибудь разнородного, беспорядочная смесь, ассорти, не очень удачно для обозначения специфики художественного произведения. И прозвучало оно из уст ученого, высоко оценивающего достоинства «Годов странствий...» – что уж говорить о менее расположенных к этому произведению исследователях.

Поэтому в гетеведении так часто повторялось и варьировалось мнение немецкого исследователя начала XX века А. Бельшовского: «... излюбленное поэтом спаивание и сковыванием совсем разнородных тел и обломков возбуждает чувство досады, и это чувство еще усиливается вследствие невероятной небрежности редакции... После того, как поэт отказался от мысли дать в этом романе художественное произведение, он и вообще перестал обращать внимание на сколько-нибудь тщательную обработку со стороны структуры» [2, 430].

Но такое построение концептуально для Гете, который первое издание «Годов странствий...» обозначил в жанровом отношении как роман, а во втором издании жанровое определение сознательно опустил, отдавая себе отчет в том, что его произведение новаторское и пересматривает матрицу традиционного романа. Гете отказывается от обычного для его времени представления о художественной целостности романной формы. «Годы странствий...» представляют собой фрагменты текстов из некоего вымышленного архива, которые выбирает и произвольно компокует фиктивный редактор, скрывающийся под маской повествователя. Его пристрастным мнением обусловлено включение в текст произведения вставных рассказов, писем, дневниковых записей, стихов, изречений, афоризмов, а также его собственных комментариев. Он позволяет себе очень многие «вольности», в роде такой: «Среди находящихся у нас и подлежащих изданию бумаг имеется шуточный рассказ, который мы без всякого предупреждения включаем сюда, поскольку в дальнейшем обстоятельства, о которых мы повествуем, станут еще серьезнее и для такого рода вольностей места более не отыщется» [4, 329].

Можно сказать, что весь роман – это дискурс повествователя-редактора, а собственная история Вильгельма Мейстера, путешествующего вместе с сыном Феликсом, оказывается при таком построении рамочной, внешней, обеспечивающей формальное един-

ство разнородным материалам, представленным в произведении. Однако Вильгельм Мейстер как идеальная горизонтальная связка фрагментарных вертикальных разножанровых сюжетов выступает не только как герой обрамляющего действия и как герой, имеющий функции повествовательного стержня, но и как персонаж, прорастающий вглубь и обеспечивающий полное раскрытие авторского замысла.

Гете сознательно отказался от традиционного линейного повествования с выстроенной причинно-следственной связью и последовательно четкой фабулой в пользу «размытого» прерывистого сюжета и открытого финала, в котором все сюжетные линии остаются незавершенными, отказался от традиционного героя романа воспитания в пользу героя – наблюдателя и экспериментатора, желающего самореализоваться, но не достигшего нужной стадии посвящения. По признанию, сделанному Гете И. Ф. Рохлицу в 1829 г.: «Эта книжечка – то же самое, что и сама жизнь; в комплексе целого находишь и необходимое, и случайное, и преднамеренное, и неожиданно возникшее; одно удалось, другое – нет, и это придает ему своего рода бесконечность, которую нельзя понятными и разумными словами ни вполне выразить, ни до конца исчерпать» [2, 433]. Эту же мысль поэт повторяет и в письме 1830 г., адресованному канцлеру Ф. Т. фон Мюллеру: «Книга есть соединение разнородных частей» [3, 576].

Авторская стратегия, таким образом, совершенно ясно обозначена и носит программный характер. При этом книга Гете не распадается на череду фрагментов – в ней есть центр, вокруг которого организован весь материал. Об этом, собственно, тоже писал Гете в сентябре 1821 г.: «Общую связь, направление и цель надо искать внутри самой книжечки. Она не сделана из одного куска, но внутренний смысл объединяет все» [3, 576]. По мнению К. О. Конради, в «Годах странствий...» представлена «целая антология повествовательных, стихотворных текстов и философских рефлексий, создавших панораму человеческих отношений и социальных структур» [3, 571–572] и речь идет об «идеале отречения», на основе которой «создается весь трудовой и социальный порядок жизни путешественников» [3, 576].

Гете разрабатывает четыре типа утопических проектов – христианскую, сельскохозяйственную, ремесленно-цеховую и педагогическую утопии, которые по мере погружения в них повествователя теряют свой идеальный контур, что свидетельствует о следовании утопического произведения Гете общей тенденции энтропии утопии [5, 6]. Это представляется нам очень важным еще и потому, что «Годы странствий...», с одной стороны, вступают во внутренний диалог со знаменитыми утопическими произведениями романтиков Новалиса и Л. Тика, с другой же, закладывают традицию, которая будет продолжена в антиутопических романах Р. Музиля и Г. Гессе.

Целью настоящей статьи является эйдетический анализ [7–12] поэтологических и идеологических оснований «Годов странствий...» Гете и «Странствий Франца Штернбальда» Л. Тика, «Генриха фон Офтердингена» Новалиса, «Игры в бисер» Г. Гессе, «Че-

ловека без свойств» Р. Музиля – с точки зрения единого типа сюжетного построения, заданного утопическим архетипом, магистральных утопических мотивов, традиции в целом.

Один шифр странствий объединяет «Годы странствий...» с культурно-историческим романом о художнике Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда» (1798) и культурно-историческим художественным романом Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1799–1800), для которых характерны нелинейный сюжет со множеством вставных прозаических и поэтических историй. Во всех трех произведениях раскрывается духовная биография героя на фоне немецкой истории и культуры XIII, XVI, XVIII вв. и главенствует принцип фрагмента, все три находятся под властью лирической стихии и остались незаконченными, хотя Гете и снабдил свои «Годы странствий Вильгельма Мейстера» пометкой «Продолжение следует».

У Л. Тика все идет не столько от жизни, сколько от культуры и истории искусств, провозглашается идея высшего синтеза искусств и особое внимание уделяется философии музыки, наполняется мистически-аллегорическим смыслом природа, в которой видится универсальная связь между явлениями и феноменами, так возникает романтическая утопия золотого века немецкого искусства эпохи А. Дюрера – при том, что утопичность сознания Тика имеет литературные корни и во многом обусловлена его переводами на немецкий язык Сервантеса и Шекспира.

Гете не оценил испытания странника в тиковской редакции и в письме Ф. Шиллеру 1798 г. язвительно заметил: «Прилагаю восхитительного Штернбальда; просто невероятно, до чего же пуст этот искусно выполненный сосуд» [13, 138].

К этому времени уже были написаны «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796), которые, как известно, послужили важнейшим стимулом для написания художественного романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» [14, 157]. Новалис был очарован поэтикой этого произведения и одновременно возмущен апологией практицизма, характерной для него: Вильгельм Мейстер жертвует артистическим призванием в пользу практической жизни. В противовес этой концепции автор «Генриха фон Офтердингена» прославляет поэзию и создает своеобразную поэтическую утопию, которую проецирует в феодальное прошлое Германии. Изображенная им Германия XIII века имеет мало общего с реальной страной в ту эпоху – здесь воссоздана романтическая поэтическая полусказочная идиллия, герой которой стремится к мистически неопределенному идеалу, алхимически-натурфилософскому «голубому цветку», ставшему символом высокой поэзии и совершенной личности. При этом в сферу внимания путешествующего героя попадают многочисленные бытовые подробности, в том числе касающиеся горного дела.

Если «Генрих фон Офтердинген» был создан Новалисом как поэтический ответ на «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гете, то в «Годах странствий...» ощутим гетевский

ответ уже почившему романтику, и касается он как поисков Вильгельмом своего идеала, так и скрупулезно внимательного изображения деятельности горняков.

Внутренняя диалогичность и одновременно скрытая полемичность трех текстов раскрывается в отношении писателей к созданным ими утопиям. В отличие от идеализирующих немецкое Средневековье или немецкое Возрождение Новалиса и Тика, стремившихся к созданию космогонических утопий всеслияния, Гете объективно развенчивает свои утопии в «Годах странствий...», когда проверяет их широким контекстом практической деятельности. Возможно, он не ставил себе такой цели и имел в виду действительное создание матрицы совершенного общества, но присутствие в его замысле идеи энтропии утопии отрицать нельзя. Об этом же косвенно говорит и тот факт, что с гетевскими социальными проектами генетически связаны знаменитые романы «Человек без свойств» Р. Музиля и «Игра в бисер» Г. Гессе, в которых утопия перерождается в антиутопию.

Музиль в своем грандиозном незаконченном «Человеке без свойств» (1921–1942) задается величайшей задачей: показать проблемы времени и современного сознания, которые, по его мнению, обусловлены господством практицизма, бесплодной рефлексии и необузданных инстинктов, и предложить разрешение этих проблем путем изменения человека, потерявшего природные свойства. Поэтому «утопия становится основной структурой в его мировоззренческой системе, а “инобытие” как гармоничное осуществление всех рациональных и эмоциональных возможностей человека – центральным понятием в его главном произведении...» [15, 64].

Писатель рассматривает современный мир – мир свойств – как средоточие фальши, лицемерия, банальных стереотипов и стертых клише, что извращают человеческое сознание. Автор романа противопоставляет этому миру подлинную реальность, которая является воплощением его идей и утопий. В концептуальной работе, посвященной утопии и реальности в творчестве Музиля, А. В. Карельский заметил по поводу «Человека без свойств»: «Роман этот – пиршество художественной мысли, убийственно язвительной в изображении всего, что Музилем отрицается, и фанатически упорной в создании “конструктивных” утопий. Но рассказывается в романе о том, как распадаются все утопии, и неспроста он самой формой своей являет грандиозный символический образ неразрешенности и неразрешимости» [16, 288].

Ульрих, главный герой «Человека без свой свойств», строит одну за другой свои утопии – жизни, открытой всему, жизни возможности, жизни, свободной от всех условностей, наконец, «иного состояния любви». Все это составляет, по определению А. В. Карельского, «главный нерв музилевского утопизма. Жить в атмосфере перманентной экзальтации, нескончаемого подъема души, чем бы он ни был вызван, – вот мечта человека, изверившегося в рассудке и вере» [16, 315]. «Мир музилевской утопии существует прежде всего как *антимир*; без этого он не может быть даже мыслим;

больше того – мир, питаемый одним лишь отрицанием, только и может быть что *мыслим*, а не осуществим; малейшее дыхание реальности эту конструкцию разрушит, сколь тщательно и долго она бы на таком основании ни возводилась. И Музиль слишком последовательный мыслитель и художник, чтобы этого не почувствовать – и не показать» [16, 315].

После краха рационалистически-прагматических попыток Ульриха адаптировать свои утопические конструкции в рамках его участия в «параллельной акции» наиболее чувствительно для него и для Музиля крушение утопии «тысячелетнего царства». Разочаровавшись в возможностях внедрения в жизнь утопических рациональных проектов, Ульрих делает ставку на утопию нерациональную. Он отказывается от всего прежнего образа жизни, от всех норм и морали, чтобы прикоснуться к тайнам инобытия и в озарении постичь «иное состояние» любви.

Но чувство обреченности витает над утопией любви с самого начала ее появления в пространстве романа, т.к. строится она на инцесте. Ульрих и его сводная сестра Агата, ищущие всеобъемлющей любви ко всем людям и ко всему миру, убеждаются, что не в способны любить, что их взаимная любовь, заикленность друг на друге категорически закрывает их от мира ближних. Ульрих и Агата оказываются пленниками, не имеющими контактов с реальным миром. Поэтому естественно, что в финале романа «намечается мало обнадеживающий итог. Но надо оценить и ту решительность, с которой Музиль показывает крах индивидуалистической утопии. Причем он говорит не просто об “индивидуализме”, а и – более прямо – об “асоциальности”, “антисоциальности”. В бунтарстве Ульриха и Агаты он постоянно подчеркивает эту его внутреннюю основу как в конечном счете несостоятельную» [16, 316–317].

Среди набросков Музиля к концовке романа есть в тезисах еще одна утопия, которую писатель назвал «утопией индуктивного мышления, или социальных данностей» и которую определил такой формулой: «Индивидуализм идет к концу... Система Ульриха в конце дезавуирована, но и система мира тоже... Ульрих в конце жаждет общности, при отрицании существующих возможностей, – индивидуалист, ощущающий собственную уязвимость» [16, 317]. То есть Музиль последовательно проводит идею утопии, демонстрирующей свою нежизнеспособность и оборачивающейся своей антиутопической противоположностью. В этом смысле и нужно, на наш взгляд, говорить о продолжении Музилем традиции гетевского истолкования утопии.

На свой лад это сделал и Г. Гессе в нобелевском романе «Игра в бисер» (1930–1943), где попытался ответить на вопрос о том, как спасти творческую личность, духовность, культуру в период распада и крушения культуры в «фельетоническую эпоху». Писатель рассмотрел в качестве одного из возможных ответов на этот вопрос бегство ученых и поэтов в мир непрактической науки и чистого искусства. Для демонстрации и оценки такого пути Гессе создал свою версию гетевской Педагогической провинции в образе

Касталии, где так же, как и в «Годах странствий Вильгельма Мейстера», господствует гендерный подход к составу своих членов и куда отбирают по всей стране только талантливых мальчиков.

Касталия, этот аналог платоновской Академии, – страна интеллектуалов будущего, которые удалились от мира, чтобы погрузиться в таинственное символическое занятие, сродни медитации, – игре в бисер, или игре стеклянных бус (так дословно переводится название романа «Das Glasperlenspiel»).

Утопический проект Гессе обнаруживает свою сомнительность уже в этом названии, разоблачающем суть той деятельности, которой занята духовная элита. Пустая игра в стекляшки, обозначенная на титуле, – игра, которой самозабвенно предаются хранители духовности, есть авторский знак того, что проверку на жизнеспособность Касталия пройти не сможет. Однако у Гессе все не так просто и однозначно. Он ставит эксперимент и проверяет его результаты с позиций далекого касталийского будущего, которое исследует жизнь и деятельность Йозефа Кнехта, прошедшего все ступени иерархии, бывшего достойнейшим представителем Касталии и ее героем, а потом ставшего ее отступником. Гессе вместе со своим героем понимает, что отрезанная от внешнего мира Касталия, не имеющая корней в реальной жизни, обречена и что если она не откажется от изоляционизма и закрытости и не пересмотрит основы своего существования то ей грозит неминуемая гибель; вместе с Йозефом Кнехтом Гессе любит и оплакивает страну интеллектуалов. Однако отступник Касталии гибнет, не успев реализоваться в деятельности во внешнем мире, и смерть его представляется случайной и нелепой, в то время как Касталия продолжает существовать, по-прежнему балансируя на грани выживания.

Орден служителей духа, изолированный от общества, требует от своих членов серьезных жертв – отказа от индивидуального авторства, от творчества как такового, от своеобразия личности, предлагая взамен принципы жизни–созерцания и жизни–игры в бисер. Здесь корень скрытых касталийских диссонансов и внутренней энтропичности касталийской утопии. Обратной стороной добровольного самоограничения и отказа от развития во имя бесконечной игры всеми ценностями и смыслами культуры, как это вскоре начинает понимать апологет Касталии Йозеф Кнехт, является бесплодие, которое обесценивает саму идею изоляционного существования духовной элиты.

Стерильность касталийского мира неизбежно должна привести к вырождению и гибели страны интеллектуалов, разреженная атмосфера чистой духовности грозит ей гибелью, считает Гессе и проводит эту мысль как лейтмотив развития своего программного героя. Пройдя период ученичества в бенедиктинском монастыре у историка отца Иакова, прообразом которого, как известно, послужил швейцарский историк культуры Якоб Буркхардт, который оказал влияние и на самого Гессе, Йозеф Кнехт осознал, что живая жизнь не подчиняется абстрактно-логическим законам разума и не исчерпыва-

ется историей идей, что отчуждение Касталии от внешнего мира есть ее трагическая ошибка. Критика идеальной Педагогической провинции дается через ее восприятие идеальным касталийцем, находящимся сначала внутри Касталии, затем вне ее пределов, – тем самым отрицательная рецепция приобретает у Гессе, следующего за Гете, реальную основу.

Таким образом, эйдетический анализ романа И. В. фон Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся», который находится в диалоге с романтическими утопиями Новалиса и Л. Тика и антиутопиями Г. Гессе и Р. Музиля, позволяет сделать сущностные выводы о поэтологии и идеологии художественных социальных проектов, объективно раскрывающих свою энтропийную природу.

Литература

1. Людвиг Э. Гете / Пер. с нем. Е. Закс. М.: Молодая гвардия, 1965. – 533 с.
2. Аникст А. Комментарии // Гете И. В. Собр. соч. в 10 т. Т.8. М.: Художественная литература, 1979. – С.427–459.
3. Конради К. О. Гете. Жизнь и творчество / Пер. с нем. Н. Берновской, С. Тархановой, Т. Холодовой / Общ. ред. А. Гугнина. В 2 т. Т.2. М.: Радуга, 1987. – С.648. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. С.-Пб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
4. Гете И. В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся / Пер. с нем. С. Ошерова // Гете И. В. Собр. соч. в 10 т. Т.8. М.: Художественная литература, 1979. – 462 с.
5. Ишимбаева Г. Г. Энтропия утопии (От Гомера до Гете). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. – 176 с.
6. Ишимбаева Г. Г. Утопия Педагогической провинции И. В. фон Гете // Культурные коды зарубежной литературы. Уфа: РИО БашГУ, 2017.
7. Тимирханов В. Р. Базовые основания лингвофилософской асимметрии в решении проблем языковой семантики // Межвузовский научный сборник с международным участием «Исследования по семантике». Вып. 26. Отв. ред. В. Р. Тимирханов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 38–52.
8. Тимирханов В. Р. Лингвофилософские ресурсы эйдетического анализа в интерпретации когнитивных структур языка // Межвузовский научный сборник с международным участием «Исследования по семантике». Вып. 26. Отв. ред. В. Р. Тимирханов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 53–62. (в соавт. с А. Р. Батталовой)
9. Тимирханов В. Р. От редактора // Межвузовский научный сборник с международным участием «Исследования по семантике». Вып. 26. Отв. ред. В. Р. Тимирханов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 6–8.
10. Тимирханов В. Р. О состоянии полилингвизма в Башкирии в свете социальных функций филологии // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. №2. С. 120–127.

11. Тимирханов В. Р. К вопросу о принципе эйдетической дополнительности как ресурсе когнитивного анализа языка // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж: ВГУ, 2016. №3. – С. 86–89. (в соавт. с Батталовой А. Р.)
12. Тимирханов В. Р. Стабильность и варьирование корневой семантики в истории языка: эйдетический подход // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород: ННГУ им Н. И. Лобачевского, 2015. – №2. – 4.2. – С. 564–569.
13. Гете И.-В., Шиллер Ф. Переписка: В 2 т. Т.2 / Пер. с нем. И. Е. Бабанова. М.: Искусство, 1988. – 587 с.
14. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. С.-Пб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
15. Шервашидзе В. В. Утопия «тысячелетнего царства» в романе Р. Музиля «Человек без свойств» // Вестник РУДН. Серия Литературоведение, журналистика. 2013, №1. – С.64–70.
16. Карельский А. В. Утопии и реальность (Проза Роберта Музиля) // Карельский А. В. от героя к человеку. Два века западноевропейской литературы. М.: Советский писатель, 1990. – С.282–317.

Статья рекомендована к печати кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета.

“Wilhelm Meister’s Apprenticeship” by J. W. Goethe: a dialogue with Novalis, L. Tieck, H. Hesse, R. Musil

G. G. Ishimbaeva

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: galgrig7@list.ru

The article is devoted to the eidetic analysis of poetological and ideological grounds in the novel “Wilhelm Meister’s Apprenticeship” by J. W. Goethe as well as to his dialogue with the works “Franz Sternbalds Wanderungen” by L. Tieck, “Heinrich von Ofterdingen” by Novalis, “The Glass Bead Game” by H. Hesse, “The Man Without Qualities” by R. Musil.

Keywords: novel of perception, utopia, dystopia, dialogue.